

ИЗ "НЕДЕЛЬНЫХ ОЧЕРКОВ И КАРТИНОК"

<...> Огромный ум Некрасова, воспитанный прямо и почти только на одной жизни, противился теоретическим представлениям, расплывавшимся в широковещательные речи, в самосозерцание, в благоговение перед "прекраснодушием" и становился во вражду с теорией тем резче, чем больше в самом себе он находил того же идеализма. Русский человек до мозга костей, доказавший страстными строфами о родине, как он ее любит, как он ей предан, Некрасов был типическим представителем великорусского племени и типическим, оригинальным русским поэтом. Своя русская, жизненная философия жила в нем и давала о себе знать уже юноше, прошедшему жизненную школу. Он вырос в большого человека, настолько большого, что, говоря о нем, следует не руководствоваться теорией умолчания; этот характер был вовсе не такой простой и такой обыденный, как это казалось и кажется иным нашим соотечественникам, и судить о нем невозможно по обыкновенной мерке.

"Большой практик он был, - говорят о нем, - и стихи иногда хорошие писал, и в карты играл отлично. У него все это вместе" (Передаю это в более мягкой форме, чем говорилось о нем иногда).

Как это просто, в самом деле, и как легко бросить камнем в человека? Но если вы вспомните, какую он прошел школу, если вы вспомните, что он не кланялся, не просил, не заискивал, что он искал только *независимости* и искал исключительно своими силами, что он готов был скорее черт знает над чем трудиться, чем одолжаться даже отцом своим и просить у него помощи, если вы вспомните, как и что ценило тогда общество, как трудно было пролезть вперед на литературном поприще, не сделавшись "покорнейшим", "преданнейшим" слугою, холопом, из которого выжмут весь сок и бросят околевать на чердаке, или на мостовой, или в больнице, подвергая всем унижениям его истлевшую, исстрадавшуюся душу, заставляя ее терпеть незаслуженные муки и биться в бессильной ярости до последнего издыхания, если все это вы представите себе - вы поймете, что должен был чувствовать умный и даровитый человек, чувствовавший в себе силу для борьбы.

"Я поклялся не умереть на чердаке, я убивал в себе идеализм, я развивал в себе практическую сметку"¹. Вы найдете много людей большей частью, впрочем, ординарных, посредственных, без ума и таланта, которые возмутятся этим и дадут вам понять, что они идеальнее смотрят на жизнь, что они честнее отдаются ей. Но присмотритесь поближе в этих "честных" людей, и вы увидите, что им бабушка воровит, что они сплошь и рядом совершают маленькие подлости, даже не замечая этого, что жизнь их исполнена миллионом сделок, ловко объясняемых даже либеральной теорией, что они фыркают своей независимостью, а не исповедуют ее, что они с воспаленными глазами говорят о вашей подлости единственно потому, что своей не понимают и не стараются вникнуть в смысл ваших поступков, который иногда разумнее и выше смысла самой патентованной "честности".

Я не могу говорить все, что знаю о покойном, что слышал от него не однажды: не условия приличий мне мешают, а условия времени. Скажу только одно, что фырканье своей независимостью, то есть проявление ее резкими чертами, быть может, имеет свою цену; во всяком случае, для этого требуется некоторая смелость, но *постоянное* отстаивание своей независимости, искание ее с уступками, конечно, но искание ее во что бы то ни стало, в течение целой жизни со стороны такого умного человека, каким был Некрасов, бесспорно принесло ему и всей литературе огромную пользу. Он делал ошибки и проступки, как всякий человек, может быть большие, чем всякий человек, но о них должно судить в связи со всем нашим развитием, в связи с теми резкими переходами от одного ветра к другому, какими так полна была наша жизнь в последние сорок лет. Проживите ее и оставьте по себе такие следы, тогда вам и книги в руки.

Мне кажется, что поэт и человек в Некрасове идут вместе и неразлучно, и он такой именно поэт, потому что был таким именно человеком, каким мы его знали. Некрасов-идеалист, Некрасов-мечтатель, Некрасов, сломленный судьбою, Некрасов, терпеливо выжидающий

случая, ждущий у моря погоды, отличающийся всевозможными добродетелями, пылающий при всяком случае благородством и самоотвержением, такой Некрасов не был бы поэтом "мести и печали", не слышалось бы в его поэзии того, о чем сам он говорит, что в ней "кипит живая кровь".

Торжествует мстительное чувство.
Догорая, теплится любовь, -
Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца².

Не гений Пушкина и Лермонтова сидел в нем, тот гений, который сам творит почти из ничего, который откликается на все, глубокий и разнообразный, как природа. Талант Некрасова однообразнее, меньше, и не будь он так умен, не пройди он той школы, которую прошел, не испытай на самом себе, не прочувствуй на практике, если можно так выразиться, всех тех мотивов, которые служили предметом его поэзии, он, по всей вероятности, не был бы певцом народного горя и народной силы, не так трепетала бы в его поэзии эта звенящая, надрывающая душу струна. Каторжная борьба с жизнью, погоня за независимостью на том пути, на котором так трудно было найти ее, внутренняя работа для того, чтоб смело и бодро пройти между противоположными течениями, все это обострило его чувство, сообщило его таланту силу именно в том направлении, каким сильна его поэзия.

Скажу больше: не стремись Некрасов к независимости, не вырабатывай он у себя практической сметки, не умей он пользоваться приобретенным состоянием и большими знакомствами, судьба журналистики русской, столь часто зависевшая от случая, могла быть иною, а журналистика очень много обязана Некрасову. Для нее тоже нужен был "практический человек", но не того предпринимательного закала, который тогда царствовал нераздельно. Нужен был талантливый человек, понимающий ее задачи, широко на них смотревший, строящий успех журнала не на эксплуатации сотрудников, а на идеях и талантах.

- Один я между идеалистами был практик, - говорил Некрасов, продолжая ту речь, начало которой я привел выше. - И когда мы заводили журнал, идеалисты это прямо мне говорили и возлагали на меня как бы миссию создать журнал.

И он создал этот журнал, несмотря на все препятствия, на отсутствие сотрудников, денег и возможности писать что-нибудь такое, что живо затрагивало бы общество³. Мы вообразить себе не можем того времени - так мы далеко ушли от той мелкой, но трагической борьбы, потому что она иссушала мозг. Только натура необычайно сильная могла ее выдержать. Некрасов тогда работал по целым суткам. Он рассказывал мне, как писались, например, романы "Три страны света" и "Мертвое озеро"⁴.

- У меня в кабинете было несколько конторок. Бывало, зайдет Григорович, Дружинин и другие, я сейчас к ним: "Становитесь и пишите что-нибудь для романа, главу, сцену". Они писали. Писала много и Панаева (Станицкий)⁵. Но все, бывало, не хватало материала для книжки. Побежишь в Публичную библиотеку, просмотришь новые книги, напишешь несколько рецензий - все мало. Надо роману подпустить. И подпустишь. Я, бывало, запрусь, засвечу огни и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь; никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой и опять за то же. Теперь хорошо вспомнить об этом, а тогда было жутко, и не раз мне приходили на память слова Белинского, которые он сказал мне за неделю до смерти: "Я все думаю о том, - говорил он, лежа грустный, бледный, - что года через два и вы будете лежать так же беспомощно, как я. Берегите себя, Некрасов". Но разве можно было себя беречь?.. А как на нас смотрели тогда - я не говорю о властных особах, а, например, такие знаменитости, как Гоголь. Раз он изъявил желание нас видеть. Я, Белинский, Панаев и Гончаров надели фраки и поехали представляться, как к начальству⁶. Гоголь и принял нас, как начальник принимает чиновников: у каждого что-нибудь спросил и каждому что-нибудь сказал. Я читал ему стихи "К Родине"⁷. Выслушал и спросил: "Что ж вы дальше будете писать?" - "Что бог на душу положит". - "Гм", - и больше ничего⁸. Гончаров, помню, обиделся его отзывом об "Обыкновенной истории"...

Рассказывал он обыкновенно много и живо. Это была живая и умная летопись литературы и жизни, и притом такой жизни, которая для большинства нас - terra incognita {неизведанная область (*лат.*)}. Любил читать свои стихотворения, но не иначе, как в интимном кружке.

- В сороковых годах, - говорил он, - писатели думали, что необходимо составлять себе репутацию прежде всего в большом свете, а потому некоторые из нас из фрака не выходили. Я никогда этого не делал. Я бывал у графини Разумовской⁹ и других, но в карты там играл: я был равный с равными, а не заискивал, не представлял своих стихов на суд этих господ и госпож. Я всегда думал, что надо репутацию у публики завоевать, а большой свет - какая это публика?

Говаривал он, в особенности в последние годы, и о своем значении в литературе, и всегда чрезвычайно скромно. В прошлом году раз он писал нам между прочим: "Болен так, что не пишется, да и трудно измыслить что-нибудь... Вот всего четыре стиха:

К портрету **

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки, -
Пиши пропало, милый друг.

Многим годится и мне в том числе", -- прибавил он к этим стихам.

Большие надежды возлагал он на свою поэму "Кому на Руси жить хорошо". Уже больной, он раз говорил с одушевлением о том, что можно было бы сделать, "если б еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала. Боюсь, что не проживу. Плох стал".

Он действительно становился плох, а как он страдал от своей болезни, что выносил - представить трудно. "В январе будет ровно три года, - говорил он незадолго до смерти, - как я заболел", но страдал он особенно сильно года полтора. Нервные боли он чувствовал во всем теле и постоянно должен был переменять положение. То он ходит, то прижмется в угол и стоит неподвижно, то упрется головою об стену, то ляжет и тут не может оставаться и нескольких минут в одном положении: то на один бок повернется, то на другой, то сядет и судорожно сожмет руками ноги, то положит ноги выше головы, то отчаянно закидывает голову назад. Боли усиливаются, долго он терпит и выдерживает - есть всему пределы, и комната оглашается его криком и стоном. Эти припадки случались ежедневно и по несколько раз в день. Ему давали одуряющие вещества, и он засыпал. Весной 1877 года страдания усилились необычайно; несчастный рвал на себе белье, схватывал себя за горло. Предположено было сделать ему операцию. За несколько дней до нее я зашел к нему и, против обыкновения, застал его в хорошем состоянии.

Комната была страшно натоплена; больной лежал на кровати, в углу, покрытый простыней - он не мог выдерживать на себе даже одеяло, которое казалось слишком тяжело - так чутки были его нервы.

- Я вас с год не видал таким хорошим, - сказал я.

- Да, сегодня просвет такой нашел, - начал он тихим голосом. - Знаете, как в лесу, в темной чаще. Идешь, идешь и вдруг просвет увидишь. Так и у меня. Несколько дней было ужасно тяжело; я думал, что уж конец. Лежишь в полусознании под влиянием морфия и этих адских мук. Слышишь и видишь даже, что кто-то будто ходит вон там, передо мной. Узнаешь приятеля, и бог знает какие представления делаются. Кажется, что у него кто-то умер и вот он ходит тут такой унылый, и так жалко мне его, так хочется утешить его, а не могу... Да, сегодня

просвет у меня, но он сейчас кончится, боюсь. Вот что, чтоб не терять времени: я виноват перед вами - все никак не могу переслать, а стихи вам готовы {Николай Алексеевич принимал самое теплое участие во мне с тех самых пор, как мы хорошо с ним познакомились. Это было в 1872 г. Никакой ему нужды во мне не было, но он приезжал ко мне на Васильевский остров и долго беседовал о литературе. Тогда же он советовал мне завести свою газету и вести ее так, как я сам понимаю. Участие его, совершенно бескорыстное, указывающее именно на нежную его душу, простиралось до того, что в конце 1873 г. он предложил мне значительную для меня сумму на поездку за границу, чтоб оправиться там от постигшего меня несчастья. Я не воспользовался этим предложением, но не могу не вспомнить об этом с глубокою благодарностью. Он же старался убедить меня купить "Новое время" и жалел, что сам уже устарел для ведения газеты, Для участия в ней. Он дал для нее несколько стихотворений, из которых некоторые были напечатаны под рубрикой: "Из записной книжки", но без его имени, другие, вероятно, долго еще останутся в рукописи, хотя они почти все имеют отрывочный, неотделанный характер. (Прим. А. С. Суворина.)}.

Он быстро поднялся с кровати и при помощи человека подошел к столу. На нем была одна рубашка. Тут только увидел я, да чего он исхудал и как сгорбилась спина его. На столе лежали листы, исписанные карандашом. Он взял их и снова улегся. Все делал крайне торопливо;

- Видите что. У меня что-то странное выходит. Лежишь дни и ночи с закрытыми глазами, и все картины проходят, люди, деревья, сцены. Отбою нет; приглядываешься, всматриваешься, и так все ясно. В последнее время все мне представляются степи. Без конца лежит степь. Куда ни взглянешь, все степь и степь, сибирская, беспредельная. Вот вижу, снег идет, так и валит хлопьями, и степь белеет, и я смотрю на нее долго, долго. Этот образ степи просто не дает мне покою. И я задумал целую поэму, которую назову "Без роду, без племени". Разные подробности у меня уже сложились, несколько стихов набросано на этих листах, а другие в голове. Понимаете, что будет. По этой степи ходит человек. Он вырвался из острога на волю. А воля эта - степь. И зимой и летом он там. Он бежит, бежит до истощения сил, голодает, холодает. Нигде нет приюта. Тут я опишу, как мучит человека холод, голод, жажда. Это ужасные муки. Я знаю теперь, что значит физическая мука. И вот он идет, и ничего нет, кроме снега и степи... Вдруг видит он что-то черное. Он туда, смотрит - горностайка: замерз, бедняга. Подумал, подумал - бросить горностайку или взять с собой? Все-таки товарищ, божье создание, все будто не один в этой проклятой степи. Снял он шапку, положил горностайку, надел ее опять и снова идет. Все степь и снега, сил не хватает идти. И вот слышит звон. Остановился, прислушался. Жилье близко. Да что там его ждет? Этот звон только раздражает, только напоминает, что есть близко люди, да нельзя к ним идти - он бродяга, без рода, без племени. А звон продолжается. Перекреститься или нет?-- думает он. Чему радоваться? И озлобление берет его. и вспоминает он, как жил он между людьми, как этот звон колокольный вызывал в нем чувство. Снял он шапку. - глядь, а горностайка шевелится: он согрел его на голове своей. Глядит он на него, по шерстке гладит. Ну, хочешь со мной или на волю? Присел, спустил горностайку - прижался зверек и вдруг бросился на волю... Это начало. Вот вам несколько стихов - делайте с ними, что хотите¹⁰.

Рассказывая это гораздо подробнее и, разумеется, гораздо лучше, чем я написал, он опять встал и подошел к камину. Тут были сестра его и жена, которые не покидали страдальца, ухаживали за ним постоянно и дежурия при нем по ночам, поочередно. Принесли бифштекс, Зинаида Николаевна (жена Некрасова) резала его на мелкие кусочки, на тарелке. Некрасов подошел к столу и стал есть, разрезая куски еще на меньшие.

- Я много говорил,-- сказал он, - этого нельзя. Если б Николай Андреевич (Белоголовый) узнал, задал бы он мне.

И этот человек, у которого голова была полна поэтическими образами, который так много мог бы еще сделать - умирает. Я посидел минуту и стал прощаться.

- Дай бог, чтоб вам становилось лучше и лучше.

- Нет, этого не будет.

Он пожал мне руку и повернулся к столу, потом опять обернулся ко мне, сделал два-три шага вперед и сказал шепотом:

- Через несколько дней отправлюсь на тот свет. - Полноте, Николай Алексеевич.

- Нет, это так. Да оно и лучше.

Голос его дрогнул - в нем послышались слезы. Несмотря на невыносимые страдания, он все-таки хотел жить, и, когда проходили припадки и он мог вздохнуть свободно, он говорил своим близким: "А все-таки я рад, что я здесь еще, а не там"...

В последний раз я видел его 7 декабря. Накануне я поздравил его запиской со днем ангела и пожелал здоровья. Он написал мне в тот же день карандашом на листке почтовой бумаги, где было переписано его стихотворение "Букинист и библиограф", между прочим следующее: "Я не могу похвалиться здоровьем. Эта жизнь мне в тягость и сокрушение. Но лучше об этом не начинать"¹¹. Я вошел тотчас же, как доктор от него вышел, и присел около кровати. Он начал говорить, но шепотом, говорил минут пять; иногда вдруг вырывалась из горла резкая нота, точно невольно, и шепот становился еще тише. Он попросил папироску и стал курить. Руки были худы страшно, и он жаловался, что рука устает держать папироску. Он весь истаял, но все мысли его вертелись на литературе, ее идеале, ее задачах. "Сколько я передумал за это время, - шептал он, - боже мой, сколько передумал! Времени много. Закрыты глаза. Полагают, что я сплю, а я думаю, думаю, пока боли не напомнят о себе. И о том думаю, что без меня будет... Вот глаза закрываются... Устал. Заходите".

Через несколько дней был у него Боткин. Некрасов уже почти не говорил. Боткин вышел от него в слезах.

И вчера так многие плакали, провожая его в могилу...

Примечания

Алексей Сергеевич Суворин (1834--1912) начинал свой путь в литературе как "либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции..." (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 43). В "Современнике" (1862, № 2) был опубликован его рассказ "Солдат да солдатка". 29 декабря 1861 года он писал в Воронеж своему учителю М. Ф. Де-Пуле: "Так симпатии мои к "Современнику" прежде всего основываются на плебействе, потом на вражде к жестокому и вечному насилию. Я признаю за "Современником" ту услугу, что он отлично ведет свое дело. Он очень хорошо сознал, что невозможно при цензуре проводить свои убеждения *серьезно*, а потому он стал свистать, следовательно, свист дело законное..." (ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 587, л. 33). Одобрительный отзыв Суворина о "Свистке" (сатирическом приложении к "Современнику"), сочувствие общей позиции журнала, конечно, еще не означали полного его согласия с демократическим направлением журнала. Он не разделял позитивной программы идеологов революционно-демократического движения. "Вот тут, - писал Суворин, - и кончается моя связь с "Современником", потому что дальше у него социализм..." (там же). И все же Суворин тогда отдавал предпочтение "Современнику", а не другим влиятельным журналам. А. Н. Плещеев в июле 1862 года сообщал из Москвы Чернышевскому: "В бытность Суворина в Петербурге вы сказали ему, между прочим, чтобы он свою повесть доставил Вам... У Суворина повесть готова. Он, конечно, желал бы всего более отдать ее в "Современник". Но он в то же время в таком положении, что едва-едва имеет насущный хлеб. С Краевским он, разумеется, не сошелся по очень уважительным причинам..." (Н. Г. Чернышевский, "Литературное наследие", III, ГИЗ, М. - Л. 1930, стр. 671). В письме к М. Ф. Де-Пуле от 4 февраля 1863 года Суворин, сопоставляя "Современник" с "Русским вестником" М. Н. Каткова и реакционными изданиями Н. Ф. Павлова, писал: "Представители "Современника" все-таки лучшие наши люди, а представители "Русского вестника", как Вам, вероятно, известно, очень близко стоят к Н. Ф. Павлову" (ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 587, л. 41).

Некрасов ценил книгу Суворина "Всякие. Очерки современной жизни" (1866), в которой содержались остроумные выступления против "господ-плутократов". Книга была приговорена судом к уничтожению, и на судебном заседании присутствовал Некрасов. Этот эпизод поэт использовал в стихотворении "Пропала книга" (1867).

Суворина привлекали трудная биография Некрасова, его журналистский талант. Он ценил его советы и считался с его мнениями. Например, выслушав положительный отзыв Некрасова о С. А. Венгерове, тогда еще только начинавшем свою литературно-критическую деятельность, Суворин писал ему: "... Я никогда не умел угадывать ум человека, Вы были первым человеком, который поразил меня именно умом своим. Только пошлость ума всегда бросалась мне в глаза, но у Вас этого качества отнюдь признать не могу" (*ИРЛИ*, ф. 203, ед. хр. 91, л. 9).

Суворин сочувственно относился и к поэзии Некрасова. 22 февраля 1873 года он писал, что в поэме "Княгиня Волконская" есть "чудеснейшие места и вся в целом она производит впечатление глубокое" (там же, л. 1).

В конце 1874 года Некрасов вел с Сувориным переговоры об его участии в "Отечественных записках", желая предоставить ему фельетон - постоянный отдел журнала. Михайловский и Салтыков-Щедрин, по-видимому, по идейным соображениям решительно возражали против этого плана. Г. З. Елисеев писал Н. К. Михайловскому 18 декабря 1874 года: "Сегодня шло длинное совещание редакции "Отечественных записок" по вопросу о Суворине; После разных соображений и рассуждений редакция пришла к следующему результату, о котором и просила меня сообщить Вам: "Завтра утром Некрасов поедет к Суворину и скажет ему, что так как некоторые из сотрудников не желают, чтобы Суворин имел в "Отечественных записках" свой фельетон, то он, Некрасов, такого фельетона поручить ему вести не может. А затем Суворин сам увидит, что в "Отечественных записках" ему делать нечего, и таким образом вопрос о нем покончится сам собою. Сказать же, дескать, сейчас ему прямо в глаза, что мы самого вашего имени переносить не можем, было бы слишком нечеловеколюбиво и вообще неудобно после бывших разговоров" (*ИРЛИ*, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 223, л. 5-5 об. Опубликовано с ошибками в журнале "Русская литература", 1964, No 2, стр. 63). Некрасов в этот же день писал Суворину: "Еще считаю долгом, без обиняков, сообщить Вам к сведению, что дело о предоставлении Вам фельетона в "Отечественных записках" не склеивается: есть элементы в нашей редакции, которые утверждают, что это будет взаимно неудобно" (XI, 362, о дате письма см. "Русская литература", 1964, No 2, стр. 64).

Время подтвердило правоту Салтыкова-Щедрина и Михайловского. Суворин, став редактором-издателем "Нового времени", еще в конце 70-х годов и особенно в 80-е годы "повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими" (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 44). Некрасов не предвидел такой эволюции в деятельности Суворина. В середине 70-х годов он верил в его демократические убеждения. Этим только можно объяснить его желание пригласить Суворина сотрудничать в "Отечественных записках".

Некрасов сохранил дружеские отношения с Сувориным и в дальнейшем. В 1876 году он предоставил Суворину несколько своих стихотворений ("На покосе", "Как празднуют трусу", "К портрету ***", "Бунт", "Что нового?", "Молодые лошади") для публикации в его газете "Новое время". 25 марта 1877 года сестра Некрасова А. А. Буткевич писала Суворину: "Из стихов, обещанных вам, я уже кой-что записала, как только посберется, сейчас пришлю вам" (*ЦГАЛИ*, ф. 4S9, оп. 1, ед. хр. 2898, л. 2). 1 января 1878 года в "Новом времени" *бтш* напечатаны стихотворения Некрасова: "К портрету ***" ("Развенчан нами сей кумир,..."), "Букинист и библиограф", "Праздному юноше".

Среди этих стихов было немало таких, которые Некрасов в письме к Суворину от 1 мая 1876 года, имея в виду цензуру, назвал "неудобными". Примечателен сам факт использования "Нового времени" для публикации произведений, которые не могли пройти в "Отечественных записках".

В основе воспоминаний Суворина о Некрасове лежат его дневниковые записи, сделанные сразу же после посещения поэта 16 января 1875 года и 19 марта 1877 года. Эти записи были опубликованы в 1922 году в газете "Новое время", издававшейся тогда в Белграде (См. "Прометей", т. 7, 1969, стр. 287--290). Частично дневниковые записи - рассказы Некрасова о "петербургских мытарствах" - Суворин использовал в одном из своих недельных очерков еще при жизни поэта (*НВ*, 1877, No 380). Некрасов поразил Суворина волей, упорством" он поставил его в "замечательный пример живучести духа". "И теперь дух так крепок, мысль так же светла, хотя страдания тела невыносимы" (там же). Эта же характеристика утверждается и в его новом мемуарном очерке, написанном после похорон писателя. Наряду с достоверными фактами и подробностями в воспоминаниях Суворина проявляется известная тенденциозность. Редактор "Нового времени" пытался использовать биографию Некрасова для оправдания эволюции своего пути в журналистике. Не случайно воспоминания начинаются риторическим противопоставлением романтической юности и успокоившейся зрелости, рассуждениями о бесплодности всяких "бурных стремлений" и "негодований". По существу неверны размышления Суворина о "цинизме" Некрасова, о неприятии поэтом "теоретических представлений" революционной демократии. Эта часть очерка в свое время вызвала полемику между "Отечественными записками" и "Новым временем". Г. З. Елисеев, несмотря на некоторые неточности, по существу, справедливо протестовал против тенденциозных оценок Сувориным Некрасова, его таланта (*ОЗ*, 1878, NoNo 3 и 4). Ответные выступления Суворина и В. Буренина см.: *НВ*, 1878, NoNo 745 и 776.

Печатается с сокращениями по тексту газеты "Новое время", 1878, No 662 от 1 января. Подпись: Незнакомец.

¹ Стр. 341. Суворин цитирует слова Некрасова, высказанные в разговоре с ним 16 января 1875 г. В дневниковых записях Суворина эта часть беседы передана в таком виде: "Я дал себе слово не умереть на чердаке и убивал в себе идеализм. У меня его было пропасть, но я старался развить у себя практическую сметку. Идеалисты сердили меня. Жизнь мимо их проходила, они все были в мечтах, и все их эксплуатировали. Я редко говорил в их обществе, но, когда напивался, начинал говорить против этого идеализма с страшным цинизмом" ("Из записок А. С. Суворина. К десятилетней годовщине со дня его смерти". - *НВ*, 1922, 24 августа).

² Стр. 342. Из стихотворения "Праздник жизни - молодости годы..." (1855).

³ Стр. 342. Речь идет о журнале "Современник".

⁴ Стр. 343. О работе над романами "Три страны света" и "Мертвое озеро" см. прим. 10 и 11 к стр. 85.

⁵ Стр. 343. Н. Станицкий - псевдоним А. Я. Панаевой.

⁶ Стр. 343. Речь идет о встрече с Гоголем на вечере у А. А. Комарова осенью 1848 г. Белинского на этой встрече не могло быть. По воспоминаниям И. И. Панаева, Гоголь "изъявил желание А. А. Комарову приехать к нему и просил его пригласить к себе нескольких известных новых литераторов, с которыми он не был знаком. Александр Александрович пригласил между прочими Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина" (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Гослитиздат, 1950, стр. 305).

⁷ Стр. 343. Имеется в виду стихотворение "Родина" (1845).

⁸ Стр. 343. На этом же вечере был П. В. Анненков. Он вспоминал, как Гоголь советовал литераторам заняться "приготовлением серьезных работ", которые можно будет печатать после облегчения цензурного гнета. "Некрасов, присутствовавший тоже на нем, заметил: "Хорошо, Николай Васильевич, да ведь за все это время надо еще есть". Гоголь был опешен, устремил на него глаза и медленно произнес: "Да, вот это трудное обстоятельство" (*Анненков*, стр. 545).

⁹ Стр. 344. Разумовская М. Г. (урожд. кн. Вяземская) устраивала в своем доме званые вечера.

¹⁰ Стр. 346. Замысел этой поэмы в дневниковой записи Суворина от 19 марта 1877 г. передан так: "Я тут задумал. Это страшное что-то. Лежу, и все мне мерещатся степи, степи, степи, Сибирь и снега. Целая поэма - "Без роду, без племени". Я вам отдам все - делайте что знаете, употребите, как материал. Этот человек бежит, голодает, холодает. Нигде приюта. И степь, и снега. Только видит он что-то черное. Поднял --- горностай, замерз бедняга. Он его в шапку и пошел. Шел, шел. Вдруг слышит звон. Звон колокольчика. Как не будешь богомольным. Снять, что ли, шапку и перекреститься? Снял. Да что-то шевелится в шапке. Смотрит - горностайка в тепле ожил. Он взял его в руку, спустил - он прямо в лес бросился, на свободу. Вот вам начало. Я сам напишу" ("Из записок А. С. Суворина", *НВ*, 1922, 24 августа). Стихи Некрасова, связанные с этим замыслом, см.: II, 528--529.

¹¹ Стр. 347. Письмо-поздравление Суворина (от 6 декабря 1877 г.) сохранилось. В нем было между прочим написано следующее: "В последнее время я слышал, что Вам решительно лучше и что прошло то время, когда говорят больному, что "дни его сочтены", и дай Вам бог пожить еще, если не для себя, то для родной литературы. Вы знаете, что я всегда придавал Вам огромное значение не только как поэту, но еще больше, как главе журналистики, главе и голове самой светлой, самой разумной. Ламанский как-то сказал, что Россия уже потому полезна славянам, что она существует, и я бы сказал, что Вы уже потому полезны для нашей литературы и журналистики, что существуете, если бы и не могли принимать в ней деятельного участия" (*ИРЛИ.*, ф. 203, ед. хр. 91, л. 7). Ответное письмо Некрасова, которое цитирует Суворин,-- одно из последних писем поэта. Оно опубликовано полностью: XI, 416.